

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ II

(с 4 таблицами и 5 рисунками в тексте)

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1927

21. Friedrich Sarre. Die Keramik von Samarra. Unter Mitwirkung von **Ernst Herzfeld** mit Beiträgen vom Materialprüfungsamt der Technischen Hochschule Berlin und von Dr. **Hans Arnold**. Стр. X + 103; с 202 рис. и тремя таблицами А — С в тексте и XXXVI таблицами позади текста, из них 12 таблиц в красках. 4° maj. Изд. Dietrich Reimer (Ernst Vohsen). Berlin, 1925.

Археологическое исследование обширных руин Самарры, столицы аббасидских халифов, лежащей на левом берегу реки Тигра в Месопотамии, особенно подвинулось в начале XX века. Если посещения Самарры целым рядом путешественников и ученых не прошли бесследно для науки,¹ то поездка двух германских археологов в 1907—1908 г.² по своим результатам оказалась еще значительнее. Вслед за этими разведками теми же археологами, профессорами F. Sarre и E. Herzfeld были проведены две археологические кампании, длившиеся 18 месяцев. Собранные обильные материалы опубликовывались обоими участниками германской экспедиции в Самарру не сразу, а постепенно, сперва в форме предварительных отчетов, кратких статей и очерков.³ Уже предварительные публикации материала, исключительно интересного и важного по значению для истории мусульманского искусства и культуры, привлекли внимание специалистов и заставили их с напряжением ожидать окончательной обработки его в издании, которое предположено было выпустить в семи томах. В 1923 году E. Herzfeld, главный руководитель археологических работ, издал первый том этой серии — «Der Wandschmuck der Bauten von Samarra und seine Ornamentik».⁴ К сожалению, в Ленинграде до настоящего времени этого издания не имеется, и судить о нем приходится лишь по рецензии A. Dessus-Lamare-Leenhof в журнале Syria.⁵ Наконец в апреле 1925 г. F. Sarre

¹ Подробное перечисление литературы о Самарре до 1912 г. дал E. Herzfeld в своей работе *Erster vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen von Samarra*, Dietrich Reimer (Ernst Vohsen). Berlin, 1912, стр. 3—5, прим.

² *Archäologische Reise im Euphrat und Tigrisgebiet* (Forschungen zur islamischen Kunst, I, Berlin, E. Vohsen).

³ Ernst Herzfeld, *Samarra, Aufnahmen und Untersuchungen zur islamischen Archäologie*, Berlin, Behrend. 1907; его же — *Expedition Samarra, Der Islam*, т. II, 1911, стр. 294—295; т. III, 1912, стр. 314—316; его же — *Mitteilung über die Arbeiten der zweiten Kampagne von Samarra, Der Islam*, т. V, 1914 г., стр. 196—204; его же — *Erster vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen von Samarra*, 1912.

Friedrich Sarre, *Die Kleinfunde von Samarra und ihre Ergebnisse für das islamische Kunstgewerbe des IX Jahrhunderts, Der Islam*, т. V, 1914, стр. 180—195; его же — *Die Aufstellung der Ergebnisse von Samarra. Berliner Museen. Mai-Juni 1922* (Heft 5/6). Его же — *Die Veröffentlichung der deutschen Ausgrabungen von Samarra, D. Lit. Ztg.* XXXIV, 1923.

⁴ Mit 321 Textbildern und 101 z. Teil farb. Tafeln. Berlin (D. Reimer) 1923. XII + 236.

⁵ Syria, том VI, 1925, стр. 93—97.

закончил второй том этой серии, вышедший в виде обширной книги прекрасной крупной печати, на хорошей бумаге, с многочисленными, великолепно исполненными репродукциями.

В коротком предисловии (стр. V — VII) он прежде всего указывает на свое введение к изданному Herzfeld'ом первому тому, в котором изложено все существенное о возникновении и целях экспедиции в Самарру. о раскопках и выводах. Далее, отметив значение керамики при изучении культуры отошедших времен, F. Sarre оттеняет особо важность самаррской керамики. Подавляющее большинство керамических находок, извлеченных из руин Самарры, относится к периоду между основанием этой столицы в 836 г. и ее упадком через полстолетия. Этому керамическому материалу, частью местного, частью дальневосточного производства, посвящена настоящая работа, с присоединением к нему более поздней керамики, изготовлявшейся в гончарных мастерских небольшого поселения вблизи почитаемых до настоящего времени гробниц святых. Во второй том совершенно не входит описание черепков и сосудов с краснокоричневой росписью, найденных при древних погребениях в двух местах на высоком восточном (т. е. левом) берегу Тигра. Этот материал должен быть опубликован в одном из следующих томов. Из нескольких строк предисловия ниже выясняется, как повлияла начавшаяся в 1914 г. война на судьбу добытого в Самарре материала.

Извлеченные из руин мелкие находки, в том числе и керамика, при окончании работ летом 1913 года были запакованы в ящики и сданы на хранение каиммакаму Самарры в ожидании указаний турецкого правительства, куда их надлежит отправить. До начала мировой войны никаких предписаний не было получено, и ящики оставались на месте вплоть до занятия Самарры английскими войсками весной 1917 г., когда часть из них сгорела, особенно штукатурные украшения со стен, обернутые в солому. Все уцелевшее было отослано в Лондон. Здесь материал был разделен между Британским Музеем, получившим львиную долю «военной добычи», и целым рядом крупных музеев трех частей света — Европы, Африки и Америки, причем и Берлинскому Музею была дана «in dankenswerter Weise» возможность пополнить свою коллекцию, составленную ранее при содействии главного директора константинопольских музеев, Dr. Halil Edhem Bey. Превосходно налаженная работа экспедиции, аккуратное ведение записей, а также обилие чертежей и рисунков с размерами, сделанные E. Herzfeld'ом на месте, позволили F. Sarre даже и при таком ограничении обойтись за малыми исключениями наличным в Берлине материалом. Автор поясняет далее во введении принятую в издании систему классифи-

кации и нумерации, однотипную с первым томом, и перечисляет своих сотрудников по работе.

Содержание тома распадается на несколько неравных частей. Основными являются два крупные отдела: керамика неполивная (стр. 1—22) и керамика поливная (стр. 23—77). Отделу неполивной керамики предпослан очень сжатый очерк (стр. 3—4), где Sarre выдвигает на первый план до сих пор мало разработанное изучение неглазированной посуды, отлично передающей тонкости формы, особенно рельеф, не скрытый глазурью, и игравшей в первые века ислама в Месопотамии, как и теперь, большую роль в быту. Затем следует в немногих словах обзор видов техники, применявшейся для неполивной глины в Самарре, перечислена необычайно скудная литература по этому вопросу — два-три воспроизведения в издании Rézard,¹ и упомянуты аналогичные самаррскому материалу находки в Кордове X века и в Кал'а Бени Хаммад (Магриб) XI века. Вся неполивая самаррская керамика подразделена в зависимости от техники на семь групп, начиная с простейших форм. Прежде всего автор знакомит с посудой безо всяких украшений или с незначительными украшениями (гр. I, A—C, стр. 5—7). Вторую группу образует керамика с рельефной орнаментацией, оттиснутой штемпелями различных форм и в различных комбинациях (гр. II, A—E, стр. 8—15). В третью группу входят образцы, украшенные гравировкой и шлифовкой (стр. 16), в четвертую — керамика с накладными украшениями, так называемая *Barbotinttechnik* (стр. 16—18). В пятой группе рассматриваются преимущественно различные формы ручек сосудов, с разнообразными рельефными и пластичными украшениями в виде шишечек, листообразных выступов, пальметок и головок животных (гр. V, A—D, стр. 18—20). Масса во всех этих группах почти без исключений имеет бело-желтоватый цвет, зато шестую группу составляют образцы из до-красна обожженной глины (гр. VI, A—B, стр. 21), и наконец седьмую — совершенно особая категория из желтой глины, облитой красной окисью железа и отполированной, в которой Sarre находит сходство с античной *terra sigillata* (гр. VII, стр. 22). В заключение этого отдела дан фрагмент глиняной формы (№ 89, табл. IX. 13, 15) с узором *en creux*, служившей для изготовления керамики с рельефным узором, а также изображена подобная же форма с пробной отливкой (рис. 67 а. б.), купленная в Каире и находящаяся в Берлине.

Каждый издаваемый образец этих семи групп описан сжато и точно; экземпляры, добытые из раскопок в Самарре и воспроизведенные в настоя-

¹ La céramique archaïque de l'Islam et ses origines. I (264 pp.) II (150 pl.) in 4°, Paris, 1920.

щем издании, имеют порядковую нумерацию, за которой следует инвентарный номер и указаны все виды воспроизведения, как то таблица, рисунок, фотография, эстампаж, затем размеры и место находки; все предметы, хранящиеся не в Берлине, значатся под литерами, соответственно списку сокращений.

Отдел поливной керамики по материалу еще разнообразнее (стр. 23—77). Он разбит на двенадцать различных групп по тому же принципу, как неполивная керамика, то есть начиная с простейших видов техники, причем Sarre рассматривает сперва типы местного производства, затем ввозные и подражания им. Очень интересны предпосланные различным группам характеристики их, с любопытными указаниями технического характера, где автор стремится, между прочим, анализировать стиль и собрать все ему известные аналогии данного типа. Совершенно справедливое замечание Sarre, что поливная керамика третьей группы с наклепными украшениями (гр. III, стр. 28—29) отличается от соответствующей не глазированной группы IV только присутствием поливы, повидимому, может быть распространено и на некоторые другие группы, напр. гр. I, A — B — поливная керамика без всяких украшений (стр. 25—27) и гр. II стр. 28 — поливная керамика, украшенная резьбой и гравировкой. В группе тонкостенной керамики с одноцветной и многоцветной глазурью IV (стр. 29—31) особенно выделяется своими техническими и декоративными качествами подгруппа C. В нее входят сосуды и черепки, расписанные блестящими цветными глазурями, которые лежат на неглазированной поверхности сосудов рельефно и дают на воспроизведениях сильные блики. Sarre отмечает большую редкость этого керамического типа, кроме самаррских фрагментов известного по пяти образцам нескольких европейских музеев. Общим признаком пятой группы служит рельеф, а подразделения ее различаются по цветам глазурей (гр. V, стр. 31—36). Здесь следует отметить особо интересную рельефную керамику с одноцветной золотисто-люстровой глазурью (V B). Несомненно, что этот тип и близкий к нему вариант керамики V C, отличающийся лишь добавлением зеленых или зеленовато-синих пятен, могли пожалуй, войти и в общую группу VI по признаку люстра, так как туда включены все виды росписи люстром по белому фону. Sarre не сомневается, что сплошь покрытые люстром сосуды имитировали золотую утварь: «man wollte, um das religiöse Gebot zu umgehen, dem Tongefäss den Anschein des Goldgefässes geben» (стр. 32) и находит в характере рельефных узоров этих глиняных сосудов зависимость от металлического стиля. Что касается техники, глазурь их сидит в большинстве случаев на черепках из крепко обожженной желто-розовой или кирпично-красной массы, покрытой обмаз-

кой. В параллель этой керамике, сплошь покрытой люстром, Sarre приводит другую группу, родоначальником которой является фрагмент Fouquet из Ахмира, где люстр заменен желто-коричневой эмалевой окраской, и которая по аналогии с самаррской группой должна быть признана ранне-мусульманской.

Одну из существенных частей книги составляет обзор люстровой росписи (гр. VI, А — F, стр. 36—46). Здесь Sarre обращает внимание прежде всего на очень известные изразцы с люстровой росписью в мечети Сиди 'Окба в Кайруане, которые по традиции считались месопотамскими IX века. Они оказались, по сравнению, тождественными с самаррским материалом. Особенно это бросается в глаза при сличении двух рисунков с изразцов Кайруана (рис. 86—87) с узором глубокой чаши № 155, табл. XVI, 2, что по мнению автора бесспорно подтверждает им ранее высказанное предположение о месопотамском происхождении кайруанских изразцов.¹ Остановливаясь на сходстве расписной люстровой керамики Самарры с керамическими находками в Верхнем и Нижнем Египте (Фостат и Бехнаса), нескольких пунктах Персии (Рей и Сузы), на среднем Ефрате, наконец в Магрибе (Медина аз-Захра и Кал'а Бени Хаммад), он одновременно отмечает и разницу в стиле. В люстровом материале из Фостата, а в особенности из Рея довольно часты фигурные мотивы, тогда как в Самарре найдено всего одно блюдо со стилизованным изображением орла. В остальном стиль этих трех районов в люстре, по признанию Sarre, общий. Между прочим, такую воздержность от фигурных сюжетов автор объясняет религиозным значением Самарры, как столицы халифата, и употреблением этой изящной посуды во дворце (большинство образцов с люстровой росписью найдены во дворце и в погребке Каср ал-'Ашик) и приходит к выводу, что люстр был изобретен в Месопотамии и экспортировался в другие страны, причем для Кайруана считает экспорт доказанным (ср. стр. 37—38 и Schlusswort, стр. 101).

С этим выводом F. Sarre здесь интересно сопоставить слова Ch. Vignier, который говорит, что люстровая керамика Рея (раннего периода) «is so closely allied to the pottery collected by the German mission that it may be called, as it is called, 'Samarra faïence'... With at least equal reason all the Samarra faïence might be called 'Rhages faïence'».² Несколько строками выше, в той же статье, Vignier определяет самаррскую керамику, как «only a section of a much more comprehensive and perfectly

¹ Точно такой же взгляд высказал G. Migeon. См. H. Rivière, *La Céramique dans l'art musulman. Avec préface de Gaston Migeon*, Paris. 1913, стр. 3—4.

² Ch. Vignier, *The new excavations at Rhages*, *Burl. Mag.* 1914, стр. 218.

homogeneous whole, which comes, as stated at the beginning of this paper, from the subsoil of Rhages». Однако, до тех пор пока взгляды Vignier документально не будут доказаны, преимущество на стороне Sarre, имеющего фактический, достоверный материал в противовес общим соображениям Vignier, на основании, может быть, и обширного материала, но не получившего до сих пор должного освещения в науке.

Самаррский люстр необычайно разнообразен по своей окраске, проходя через всевозможные тона золотые (VI A), желто-коричневые, зеленые (VI B—C—D) и рубиновые (VI E). Некоторые оттенки автор приписывает изменению окраски в обжиге от проходящего дыма, в чем он несомненно прав. Выделенная в VII группу кобальтовая роспись по оловянной глазури различается в зависимости от орнамента (стр. 44—50). Орнамент первого типа — растительный, родственный орнаментике Так-и-Бустана; эпиграфический орнамент второго состоит из куфических надписей, которые или расположены по диаметру сосуда в одну строку, или по сторонам квадрата, вписанного в дно. Здесь Sarre поддерживает мнение Pézard о дальневосточном влиянии на ранне-мусульманскую керамику и усиленно подчеркивает сходство в украшении борта чашки, приписываемой танскому периоду (рис. 101) с растянутыми сегментами, которыми украшались борта этой самаррской группы.

В обзоре самаррских изразцов (гр. VIII, стр. 50—54) прежде всего встречаются крупные, квадратные изразцы $34 \times 31,5$ см с изумрудной и охряно-желтой поливой (VIII A), служившие по мнению автора для облицовки пола; они часто находились во дворце, напр. в гареме. Несколько меньших, но все же крупных размеров квадратные изразцовые плитки с пестрой люстровой росписью (VIII B). Чрезвычайно интересен их орнаментальный сюжет — изображение петуха в лавровом венке на пятнистом, мраморовидном фоне. Узор этот, как полагает Sarre, заимствован из сасанидского круга памятников, в частности от изображений тканей на рельефах Так-и-Бустана и тканей шелковых, но передан более натуралистично. Шестиугольные изразцы группы C исполнены в одинаковой технике с изразцами B, лишены фигурных и растительных узоров и украшены только пятнами «под мрамор». Как полагает Sarre, они обрамляли квадратные изразцы типа B, составляя с ними целые поля (см. реконструкции рис. 121—122), и служили для украшения стен дворца (найжены во дворце Джаусак). В четвертую категорию D входят изразцы с люстровой темно-коричневой росписью, узор которых, согласно реконструкции E. Herzfeld'a, состоял из бесконечного побега с цветком в завитках, по одному на каждой плитке (рис. 125—126).

Если на материале, изумительном по своему разнообразию, колориту и красоте перечисленных групп поливной керамики, Sarre удалось прийти к важным выводам, то вся девятая глава или группа (стр. 54—64) представляется не менее существенной. Здесь речь идет о керамике, совершенно отличной от самаррской по качествам, виду черепка, свойствам глазурей и стилю, а именно о каменной посуде «Steinzeug» (гр. IX, A — E) и белом фарфоре (гр. IX, F), дальневосточное происхождение которых повидимому не может быть оспариваемо. Обстановка, при которой было найдено большинство образцов этого типа (преимущественно Джаусак), по мнению автора, не допускает никаких сомнений, что эти образцы датируются IX веком. Отсюда он делает чрезвычайно важный вывод: белый фарфор и каменная посуда не только изготовлялась в Китае в танский период, но и вывозилась далеко за его пределы в столицу халифата, как морским путем через Персидский залив, так и сухим, через Туркестан и Хорасан. В подтверждение Sarre напоминает собранные A. Mez'ом и Fr. Hirth'ом сведения по арабским и китайским источникам о культурных сношениях арабов с китайцами.

Типичные черты китайской каменной посуды, с блестящими глазурями и пятнистым, расплывчатым узором, преимущественно желтым и зеленым, частью с гравировкой, с которой Sarre знакомит читателя в гр. IX, повторены, но с меньшим совершенством на образцах гр. XI, (стр. 66—74), в декоративном отношении тесно связанных с дальневосточной керамикой. В техническом отношении качества некоторых образцов настолько высоки, что от китайских их трудно отличить; другие значительно разнятся в черепке и глазурях, причем особенно выдается местное происхождение в изделиях из самаррской глины желтовато-белого цвета. В дополнение к указанию Pézard на зависимость подобных персидских изделий от танской керамики, Sarre здесь высказывается за возможность непосредственной работы китайских мастеров в Месопотамии. «Ob Samarra selbst oder ein anderer Ort Mesopotamiens in Frage kommt, bleibt zweifelhaft». В этой группе, между прочим, важно отождествление типа C (стр. 71) «mit Überlaufglasuren und eingeritzter Musterung» с керамикой, называвшейся ранее «византийской», распространенной не только по Евфрату, но в Египте, Малой Азии, Византии и Южной России. Этого рода находки были сделаны в одном из районов Самарры — Кура, где, судя по различным признакам, пахотились обжигательные печи, работавшие не только в IX веке, но и в последующие, вплоть до XIII века (см. стр. 74—77, гр. XII).

За двумя основными частями работы F. Sarre следуют два дополнения. В первом дополнении (стр. 81—92) E. Herzfeld дал детальный разбор

эпиграфического материала самаррской керамики, изложенный почти в той же последовательности, как он сгруппирован F. Sarre. Таким образом, исследованы прежде всего надписи А — *Stempelkeramik*, состоящие исключительно из подписей и имен мастеров. По содержанию вторая категория В — *Reliefkeramik* дает еще менее, так как настоящую, хотя и фрагментированную надпись представляет только обломок из Ахмима. На соответствующем же материале из Самарры надписи не поддаются чтению, и шрифт арабский, как предполагает Herzfeld, был применен орнаментально, что однако не может служить доказательством неграмотности мастеров (стр. 82). В третьей категории С — *Rahmfarbene Ware mit kobaltblauer Zeichnung* отмечены указанные выше (гр. VII стр. 44,—50) два способа группировки надписей и составлен алфавит встречающихся букв. Куфический почерк этой группы, как и в рельефной с глазурью, соответствует по мнению Herzfeld'a стилю каменных надписей эпохи тулунидов. Однако, все разбираемые Herzfeld'ом надписи сильно фрагментированы, нуждаются в значительных коньектурах, и далее подписей мастеров или формул благопожеланий содержание их не идет. Категория D — *Goldlusterware* — в этом отношении еще беднее, так как здесь нет даже и подписей. Из высшей степени неясных и неразборчивых надписей тушью на черепках китайской каменной посуды (E), содержащих по предположению Herzfeld'a инвентарные указания арабского хранилища (найлены «in einem Vorratsraum: im Südosten der grossen Grube des Djausaq al-Khâqânî»), скоропись которых автор сравнивает с курсивом арабских папирусов, наиболее интересен пожалуй фрагмент 19 (№ 212, рис. 187), где в конце читается слово صين, т. е. Китай. На других образцах (F. 23, 24), где упоминается мера رطل, может быть при обозначении емкости сосудов, надписи тушью к сожалению также не разборчивы. Деформированные и выродившиеся из некоторых обычных формул надписи, между прочим и цветущим куфи XIII века (G), по содержанию своему дают еще меньше, чем предшествующие категории. В целом это дополнение нам представляется гораздо более важным для изучения мусульманской эпиграфики, чем в смысле исторических данных.

Во втором дополнении (стр. 95—100) помещены сравнительные анализы черепков и глазурей. *Material-Prüfungsamt* Высшей Технической Школы в Берлине занялся преимущественно испытанием дальневосточной каменной посуды и родственных ей типов керамики; Dr. Hans Arnold в Эссене исследовал другие самаррские керамические группы. Благодаря этим анализам точно установлен состав масс, температуры, при которых велся обжиг (Anh. II, A. 3, стр. 96) и выяснился в некоторых случаях очень сложный процесс изготовления (напр. Anh. II, B. 3, стр. 98 —

люстровая роспись по белому фону; В. 6, стр. 99 — люстровые изразцы), а также химический состав красок. В заключении (стр. 101—103) F. Sarré дает краткую сводку выводов своего исследования.

В этом издании, как видно из изложения, материал обработан всесторонне. Внешнему описанию сопутствует стилистический и теххимический анализ. Сопроводительные рисунки и разрезы в тексте, вместе с великолепными таблицами, дают полное представление об издаваемых образцах. Важнейшие экземпляры изображены иногда в двух—трех репродукциях несколькими способами и в разных поворотах, что чрезвычайно облегчает изучение. Можно отметить лишь не совсем удобную систему нумерации предметов на таблицах. Номера расставлены на полях по диагонали или в разброс, и в тех случаях, когда на таблице воспроизведено значительное число образцов, и они расположены по несколько в ряд, не вполне ясно, к какому из них относится какой номер. К своей работе F. Sarré отнесся необычайно внимательно и постарался подобрать весь доступный ему параллельный материал. Кое-что ему осталось, однако, неизвестно.

На стр. 4 в конце краткого очерка он упомянул, что неглазирванная керамика из Фостата (Египет) ему неизвестна. Это дает повод здесь указать, что в коллекции, собранной В. Боком в Египте и находящейся в Государственном Эрмитаже, имеется несколько круглых штемпелей с куфическими надписями, а также фрагменты больших глиняных сосудов с арабскими надписями, отгиснутыми штемпелями.¹ Первые, за одним исключением, имеют желтоватый цвет массы и надписи почерком куфи. У вторых черепок пористый, красно-бурый с поверхности, серый внутри, надписи почерком несхи. Одна печать розовато-желтая. Надписи на трех фрагментах сосудов содержат названия местностей, на четвертом черепке более светлой окраски трижды повторен небольшой штамп с надписью четким куфи *بركة كامله* (КИ. 460). Надписи на штемпелях, поскольку их удалось прочесть, содержат повидимому различные благопожелания. Из них, например, на № КИ. 459 читается при отгиске *بركة لصا [حبه]*; окончания второго слова этой формулы *حبه*, указанного в скобках, на печати не имеется; оно могло быть помещено в верхней, отбитой части круга. В одном штемпеле из всего содержания пока читается ясно слово *مصر*, т. е. Миср. У верхнего края видны значки, похожие на арабские цифры, из них отчетлива только одна — v. Куфические надписи могут быть отнесены ко времени Фатими-

¹ На подобный же материал с названиями местностей указывает Max Herz Bey, *Catalogue raisonné des monuments exposés dans le Musée National de l'Art Arabe*, Le Caire, 1906, стр. 225 и 248, vitrine E, v.

дов.¹ Из этих немногих данных ясно, что содержание приведенных примеров существенно разнится от штемпелей Самарры; тем не менее они свидетельствуют о распространении керамики этого рода и в Египте.

Далее можно назвать еще одну керамическую группу, в типах которой есть сходство с самаррской керамикой, группу нам очень близкую, а *Sarre* пока неизвестную. Это — туркестанская керамика ранне-мусульманского периода. При сравнении самаррской неполивной керамики, изданной *Sarre*, с материалом из раскопок в западном Туркестане, находящимся в Государственном Эрмитаже и Музее Антропологии и Этнографии Академии Наук, а также на основании отчетов археологических изысканий в Туркестане, можно отметить следующее.

1. Все перечисленные *Sarre* технические приемы обработки поверхности неполивной керамики встречаются и в мусульманской керамике Туркестана. Так, проф. Бартольдом найдены были в 1904 г. кирпичи со штампованными именами;² имеются образцы сосудов с куфическими надписями, оттиснутыми штампом, на других — вытиснены различные орнаменты и изображения животных (напр. на обломке Гос. Эрмитажа, колл. Бартольда. КИ. 1777). Точно также, в Туркестане найдены не только гладкие, неполированные сосуды, но и украшенные гравировкой и резьбой. Встречается, хотя в очень ограниченном количестве, тонкая накладная орнаментация (барботин); более грубые наделки, как и пластично обработанные части предметов и сосудов, распространены в мусульманский период шире (гр. V). Найдены и подобные по технике VII группе образцы с красной полированной поверхностью (колл. Веселовского). Способ изготовления сосудов с рельефными узорами посредством оттиска их в форме (ср. *Sarre*, стр. 22, *Nachtrag*) не только был известен в Туркестане, но и развит до высоко художественной степени. Для примера можно назвать в Эрмитажном собрании часть формы-матрицы с куфической надписью из колл. Вяткина (КИ. 1743) и две великолепные фляги: одна (КИ. 1770), с растительным узором, найденная в урочище Аксай Семиреченской обл.,³ другая, с рельефными надписями, куплена Н. И. Веселовским в Касане (КИ. 636).

2. Судя по описанию *Sarre*, неполированная керамика с желтовато-белым черепком встречается в Самарре значительно чаще, чем керамика с розовым черепком, которой отведена целиком шестая группа и отдельные

¹ Чтобы не загромождать рецензию подробностями, полное описание этих штемпелей я предполагаю дать в другом месте.

² В. В. Бартольд, Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 г. стр. 23 (Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии № 4, 1904 г.).

³ См. Отч. ИАК. 1901 г., стр. 144, рис. 259.

номера в других группах; черепок серый весьма редок. В отличие от этого, керамика с розовым черепком в Туркестане количественно пожалуй перевешивает желтоватую группу, а сосуды с серым черепком, встречаясь достаточно часто, образуют не менее самостоятельную группу, чем две предшествующие. По поводу замечания Sarre о примеси золотисто блестящих частиц в розовой массе группы VI, В (стр. 21, ср. Anhang II, В, I а.), представляющих частицы слюды, можно указать, что примесь таких частиц в розовых черепках Туркестана мусульманской эпохи, главным образом из развалин Афрасиаба, далеко не редка. Смотри по тонкости обработки массы, они бывают и очень мелкие, и очень крупные. Эта же примесь наблюдается также в черепках хотанских терракот (в Эрмитажной коллекции Петровского) и аналогичных с ними по формам и технике предметах из Афрасиаба (в Эрмитажной коллекции Н. Веселовского, Бухарина и др.).

3. Что касается сходства форм, то в Туркестане были распространены между прочим овальные сосуды с более или менее широким зевом, обведенным толстым валиком, иногда с низкой шейкой, напоминающие очертаниями некоторые сосуды из Самарры, напр. №№ 110—111 (табл. VI) и №№ 211, 213 группы IX. Из кувшинов особенно близок тип самаррского кувшина № 7 рис. 6, и часто встречаются ручки с шишечками. Цилиндрическая, очень характерная форма тулова кувшинов гр. I, напр. № 1 рис. 1, № 2 рис. 2, № 4 рис. 3, № 6 рис. 5, пока в Туркестане не наблюдалась. Заметим попутно, что для некоторых из только что перечисленных кувшинов (напр. № 2 инв. № 300; инв. № 298; № 8 инв. № 295 и 296), а также для ряда образцов других самаррских групп (напр. гр. I А поливной керамики № 93 инв. № 301, 302; № 97 инв. № 311; № 101 инв. № 317; № 105 инв. № 373) F. Sarre указывает место находки — «Parthischer Friedhof». Так как ни об этом кладбище, ни об условиях, в которых эта посуда была найдена на нем, к сожалению Sarre ничего не сообщил, следует отнестись к датировке этих предметов с некоторой осторожностью.

4. Если сравнить самаррскую керамику с туркестанской в отношении орнамента, то во многих случаях станет ясна их близость, а иногда и полная аналогия. Ее легко можно указать для гравированного гребенчатого орнамента рис. № 47, № 58 и № 59 — Табл. IV, 9. Также широко распространен во всевозможных комбинациях узор из кружков, напр верхний борт фрагмента № 44, рис. 37 из Самарры очень близко подходит к верхнему поясу узора фрагмента КИ. 776 в Эрмитаже. Не удивительно, что в глубокой резьбе проявляется значительное сходство, обусловленное методами работы, которые ограничивают мастера в рамках геометрического узора. Гораздо удивительнее полное тождество некоторых пластических форм,

например пальметообразного украшения ручки № 70, табл. IV, 2, известного нам в двух эрмитажных образцах (из колл. проф. Бартольда КИ. 1773 и Бухарина-Веселовского) или глиняных фигурок животных №№ 63—65, рис. 50—53, аналогии которым добыты из Афрасиаба.

5. При сличении поливного материала, обнаруживается прежде всего отсутствие в Туркестане некоторых типов, главным образом люстра, столь блестяще представленного в Самарре. Находки этого рода в Туркестане крайне малочисленны; кроме того, часть из них по своему стилю несомненно не туркестанского, а скорее рейского происхождения (напр. два обломка в Эрмитаже из колл. проф. Бартольда, КИ. 1491—1492). В керамике с цветными глазурами группы VI В имеется сходство между № 117—119 и ручками средне-азиатских сосудов со звериными головками под зеленой поливой (две ручки эрмитажа, КИ. 1535—1536 и сосудик в Музее Антропологии и Этнографии Академии Наук). Встречаются также случаи применения орнамента, одинакового с самаррским, но к другой керамической группе или технике. Таким образом, поливные образцы издания Sarre № 107, 108, рис. 8 и 7, табл. V, встречаются в Туркестане без поливы; весь геометрический узор с ромбами и кружками на перекрестьях, сформованный в самаррском образце № 48, рис. 40 рельефно, повторен в Туркестане с вариантом: середина ромбов ажурно вырезана, обломок покрыт поливой оливкового цвета (Эрмитаж, КИ. 637). В посуде с черно-красной росписью из Афрасиаба встречается тот же мотив перистого листка, вписанного в дугу (напр. на фрагменте № 1248—572 Музея Антропологии и Этнографии), который вероятно был очень эффектен в самаррской рельефно-глазурной технике (группа IV, С, № 123, табл. VII, 2). Известны, однако в плоскостной трактовке, и варианты ланцетного орнамента, выходящего из круга сасанидских заимствований, где четыре ланцета сгруппированы крестообразно у одного центра (напр. на эрмитажной чаше КИ. 633 или фрагментах Музея Антропологии и Этнографии № 1083, 188, 222). В Самарре он представлен в группе IV, С, № 128 а, табл. IX, рис. 12. Заметим, кстати, что аналогичного типа узор фрагмента № 126, табл. IX, рис. 11, состоящий из диагонально расположенных ланцетов, довольно странно назван Sarre «schmetterlingsförmige Motive» (см. стр. 32). Далее, из опубликованного самаррского материала следует остановиться на большом сосуде (гр. III № 110, табл. VI, 1) под зеленой поливой, с накладным и отчасти гравированным узором, для которого Sarre указал аналогию — сосуд из Суз, находящийся в зале Моргана в Лувре, «fälschlich der frühsasani-dischen Epoche, dem 2—3 Jahrhundert n. Chr., zugewiesen» (стр. 28). С этим сосудом № 110 полезно сопоставить обломок № 106 гр. II, «von

der Wandung eines grossen, aussen und innen blaugrün glasierten Gefässes. Eingeritzte Borte mit Wellenlinien, in deren Vertiefungen die zusammengeflossene Glasur dunkler erscheint» (стр. 28). По характеру он одинаков с № 110; его орнамент из горизонтальных рядов гравировки и одной волнообразной линии сроден с волнообразной линией в средней части овального сосуда № 110. При изучении четырех эрмитажных фрагментов подобной техники и декорации (КИ. 928, 929, 930, 931) мною замечено было ранее сходство их с материалом Моргана из Сүз, опубликованным Pézard.¹ Повидимому, весь этот перечисленный здесь материал относится к одному типу. Благодаря точности описания Sarre и сходству репродукции фрагмента № 106. не исключая и пятнистости его, с эрмитажными образцами, можно теперь датировать последние IX веком.

6. Сравнивая каменную посуду дальневосточного происхождения, найденную в Самарре, и ее имитации с туркестанской керамикой, нужно сказать, что каменной посуды дальневосточного характера в материале из средне-азиатских раскопок до сих пор не было найдено (по крайней мере, таковой не имеется в коллекциях Н. И. Веселовского, В. В. Бартольда, В. Л. Вяткина). Однако, дальневосточное влияние обнаруживается в некоторых типах ранней керамики очень ясно. Оно сказывается в форме некоторых чашек с характерным выгибом краев и ребристыми стенками (ср. Sarre, табл. XXIII, 14; XXV, 6; Музей Антропологии и Этнографии, 1054—439), в широком распространении цветных пятнистых глазурей в различных сочетаниях. Особенно часто встречаются зеленые расплывчатые пятна по белому фону (ср. Sarre, табл. XXVI, 1 и XXVII, 2), излюбленные между прочим для украшения одного из типов лампочек, представленного также и в инвентаре Самарры (№ 257, рис. 156). Другая разновидность этого же типа — пятна зеленые, желтые и коричнево-фиолетовые по белому фону, расположенные в известном порядке и имеющие более или менее клинообразную форму, на подобие самаррской чашки № 227, табл. XXXI, • 2, напр. на образцах Музея Антропологии и Этнографии №№ 1248—863 (крышечка), 1054—439 (обломок чашки), 1248—847 (высокий сосуд). В третьей разновидности пятна тех же цветов, но значительно более расплывчатые по фону с гравированными узорами (ср. Sarre, гр. IX, G, № 220, табл. XXVII, 4 и керамика гр. XII), пример которой имеется на серии фрагментов из коллекции Вяткина и В. В. Бартольда в Эрмитаже. К числу дальневосточных заимствований, воспринятых самаррскими керамистами и встречаемых в ранней мусульманской

¹ M. Pézard, La céramique archaïque de l'Islam. Paris, 1920. Pl. IV, 2; CL 2.

керамике Туркестана, относится также декорация бортов чашек фесто-
нами — сегментами.

Основываясь на сходстве указанной туркестанской керамики с наход-
ками в Самарре, нельзя тем не менее утверждать, что эта керамика вве-
зена в Туркестан из Самарры. Не подлежит никакому сомнению, что боль-
шинство образцов упомянутых категорий, отличающихся от самаррских
особенно по характеру черепка изготовлено в Туркестане, в частности
в Самарканде. Связи последнего с Китаем и прохождение большого кара-
ванного пути из Китая через Самарканд и Мерв в направлении к Хорасану
и Месопотамии показывает ясно, что подражания дальневосточной керамике
могли возникнуть одновременно как в Самарканде, так и в Самарре.
Общность вкусов, царивших в Месопотамии при аббасидах и в Туркестане
при саманидах, сказалась еще между прочим в применении эпитафийки
для декорации сосудов. Развитие ее в Туркестане шло независимо от Са-
марры и достигло высокого совершенства. Однако, в некоторых случаях
можно подметить общие графические приемы. Herzfeld определил одну
самаррскую категорию следующими словами: «Die Schrift läuft einzellig,
als Streifen, quer über die Schale von Rand zu Rand» (Anh. I, стр. 83. 1).
Слова эти полностью подходит и к одной группе туркестанской поливной
керамики, но с разницей в технике. А именно, в Туркестане распростра-
нены черно-коричневые и рыже-красные куфические надписи, повидному
марганцем и железом; керамики с люстровыми надписями до сих пор не
найден. Прием оконтуривания надписей и заполнения части фона пункти-
ром, который известен не только по образцам люстра Самарры (Sarre
№ 151, табл. XIV, 2), но и по многочисленным находкам люстровой кера-
мики в Рее и Египте (ср. обломок чашечки с изображением зайца, пункти-
ром и фестонами люстром в Эрмитаже, КИ. 263), практиковался и в Турке-
стане в тех же черно-красных тонах (напр. в Эрмитаже на фрагменте
КИ. 1464). Надпись кобальтом, из неизвестной коллекции в Эрмитаже, по
диаметру одного доньшка, не может служить, вследствие своей единично-
сти, для каких-нибудь определенных выводов.

Этих бегло намеченных параллелей совершенно достаточно, чтоб пока-
зать, насколько может быть полезно сравнение самаррской керамики с тур-
кестанской. Благодаря такому сличению еще раз обнаруживается единство
стиля в ранне-мусульманском искусстве, несмотря на все разнообразие местных
отличий. По одному этому примеру уже можно судить, что работа F. Sarre
не имеет узко-специального значения, а широко затрагивает интересы
самых отдаленных частей мусульманского мира и вопросы о культурных
снoшениях халифата с различными странами.

В. Крачковская.